

«В НАШЕМ ОТРЯДЕ ДОБИВАЛИ РАНЕННЫХ.»

Комм. правда. - 1995 - 13 янв. - с. 5.

Считалось, что на войне надо идти на самые страшные вещи, лишь бы победить врага.»

Овидий Горчаков - человек известный и, что называется, интересной судьбы. Разведчик. Писатель, кинематографист - "Вызываем огонь на себя" наизусть помнят поколения. ("Ой, Морозова", - реплика Ролана Быкова стала просто поговоркой). Под псевдонимом Гривадий Горпожакс с Аксеновым и Поженяном издал "Джина Грина - неприкасаемого", шпионский роман, которым зачитывались. Его правда о Великой Отечественной войне, пятидесятилетие Победы в которой мы отметим в этом году, - его правда. В этом интервью мы не изменяли ничего, что и как сказано - сказано.

- Вас учили, Овидий Александрович, в ГРУ, "на разведчика" всего несколько дней. До того вы знали английский. Немного польский, немного немецкий. Автомобиль водить не умели, стрелять - три выстрела сделали, на лыжах не ходили. С парашютом не прыгали. Вы чувствовали, что вас отправляют к немцам, как неоперенных птенцов?

- Да. Мы учились на месте. - Первый прыжок с парашютом?

- Ночью... Неизвестно, куда и спустились. Везет дуракам. Один только я вывихнул себе ногу. И уже тогда подумывал меня убить командир. Он такой был человек. Я прыгал на одной ноге, и он решил, что, наверное, надо с Горчаковым покончить, потому что тянет всю группу. Но сначала он все-таки не был страшным человеком. Он стал постепенно страшным человеком. И убийцей. Он убил-таки парня, который был тяжело ранен.

- То есть добивали раненых?

- Это был очень хороший парень. Но ранен серьезно. Он не мог бегать. Его таскали. И наш командир решил, что нечего. Я не мог себе представить, что мой командир хочет нас уничтожить, убить!

- А вы-то откуда знали? Может быть, это вам показалось?

- Нет. Я ранен, и он ранен. И я решил убежать от командира, сообщить. Я думал, что на Большой земле все хорошие люди...

Я был, конечно, идеалист. Другие парни, они не читали столько английских книг, сколько я перед войной читал в школе (а она была англо-американская). И они говорили: если командир хочет убить кого угодно, так того пусть и стреляет. Кухаренко там, например, затесался к нам, он храбрый, замечательный парень, хотя и очень уголовник. И ему ничего не стоило убить человека.

- А судьба того раненого парня?

- Расстреляли его. Расстреляли. Вот.

- Кто стрелял, как?

- По приказу нашего командира. А расстрелял этот самый Кухаренко, которому ничего не стоило убить кого угодно. Сказал командир - значит, все.

- Скажите, а раненых? В госпитале?

- У нас в тылу врага вполне могли. И мало того, мне потом тоже чуть в венту... Хотели ввести три кубика воздуха.

- В венту?

- В венту. И сразу человек кончался. Меня спасла девочка, за которой я ухаживал. Нас было всего шесть - семь человек вместе, и все были в нее влюблены... Но я сначала о другом. Тогда я работал в маленькой группе. Но, мы провернули очень большое дело. Особенно поляки здорово работали на нас. Но помню, очень неприятное было у нас дело с Катенью. Поляки вдруг нам говорят: что же вы делаете? Вы же уничтожили наших людей! Мы говорим: не верим!

- Вы узнали это во время войны?

- Во время войны. Конечно. Это сообщили всем немцы. Скажите, что это за мерзавцы!

тому подобное. А вы, поляки, работаете на них. Как это может быть? И Катенья была очень близко. Поэтому мы волей-неволей вмешались в это дело. И я помню наши дебаты. Мы не верили, отказывались верить. Я абсолютно не мог допустить, чтобы наши люди уничтожали поляков и притом требовали, чтобы они помогали нам... И мы добились, что поляки работали всюду. Потом ладно, потом будем смотреть, так сказать. Ну а сейчас мы должны все-таки бороться против немцев... После войны я поехал в Польшу, пошел к своим друзьям, они у нас получили большие ордена, и я стучу им, и они говорят - нет! Катенья была. Вы уничтожали нас. Это хорошо, что вы нас наградили, мы вместе с тобой уничтожали немецкие самолеты. Но вы же уничтожали нас! И даже мой друг Пшимановский, он же не мог нам простить, и все-таки этот человек сделал великое дело.

- Это страшно. Катенья. А была не только Катенья, но и Хатенья? И сотни расстрелянных российских, украинских деревень - трагедия которых и в том, что об их трагедии мы до сих пор не знаем?.. Но вопрос в другом. Овидий Александрович, вот вы говорите, НКВД. А в массовом сознании ГРУ и НКВД мало чем отличались. Скажите, вам не приходилось расстреливать?

- Приходилось, приходилось расстреливать. И я расстреливал тогда, когда считал, что это дей-

ван. И даже знакомый командир был, поляк, он прекрасно все понимал, что уничтожают его родную Варшаву. И это было. И мне приходилось потом уже, перед его смертью, не раз слышать об этом.

- Я слышал, что вы представлялись полякам английским разведчиком, а не советским. Но приходили-то вы к друзьям?

- Этот вопрос может задать только человек, который совершенно не знал, что такое поляк тогда!

- Да. Я не знаю. Вот я и задаю.

- Так вот, я очень хорошо знал, что думают поляки. Они ведь были не все просоветские.

- Извините, но на войне вам никогда не хотелось застрелиться?

- Застрелиться? Нет. Я все-таки хотел жить. Но не любой ценой. Я даже не знаю, сколько во мне было англичанина, настоящего, и сколько было русского человека. Но и тот, и другой не хотели умереть.

Застрелиться? Нет. Я все-таки хотел жить. Но не любой ценой. Я даже не знаю, сколько во мне было англичанина, настоящего, и сколько было русского человека. Но и тот, и другой не хотели умереть.

ствительно наши враги.

- А как вы определяли: враги они или не враги?

- К сожалению, нам приходилось решать это самим. Мы же не были судьями, а нам приходилось быть судьями. Но уроки, которые нам дал наш командир, сукин сын, очень помогли. Мы уже тогда не стреляли всюду и везде, а действовали неопрометчиво. Я научился ценить человеческую жизнь. Может быть, потому, что я был чужд тому, что делалось у нас в России. И мыслил часто по-английски.

- По-английски? То есть московская спецшкола с английским уклоном так подействовала?

- И мне это помогало. Меня действительно принимали за англичанина. И у меня было отношение к людям не российское, а английское.

- А чем оно отличалось?

- Ну ведь в Англии не было той страшной бойни, которая была у нас. Не было ГУЛАГа. Но если речь шла о политике, то я становился, конечно, на советскую позицию.

- А когда Варшава горела и наши войска не вмешивались? Или не было возможности вмешаться?

- Когда Варшава горела, то мы были заинтересованы.

- В том, чтобы она горела?

- Да. Сталин был заинтересо-

- Скажите, на войне много пи-ли?

- Начальство, конечно, пило. А я тогда еще, конечно, был мальчишкой. Не научился пить в тылу врага. А уже учился пить у поляков. Там, конечно.

- Я так понял, что готовили разведчиков плохо, потому что времени было мало?

- Я говорю, что готовили их очень и очень плохо, потому что ждали сдачи Москвы.

- Так ждали? Боялись? И как вы пошли в разведку, когда все боялись?

- Сначала меня куда-то не брали. Я был слишком молод. И я сначала был эскары. Это противотанковые рвы, что ли?

- Вот, вот, вот. Они назывались эскары. До сих пор помню. Хотя и там я Байрона читал по-английски. Даже это показывает мои знания. Интересно, что я потом бежал с этим Байроном и прибежал, хотел сдать в библиотеку. А она убежала - библиотека. Уже немцы наступали на Москву.

- Паника была?

- Да, страшная паника. Вот. А я даже не знал, что такое ГБ, а что такое ГРУ. А мой лучший друг сказал: только не говори, что твой отец сидит. (Мой отец много сделал, чтобы Америка признала СССР, а потом его по-

Овидий ГОРЧАКОВ.

на себя". Но некоторые вещи у меня совершенно неправильны. Сукины дети те, которые курировали мой фильм. Они говорили: слушай, что-то у тебя жидов слишком много? Горчаков говорит, что Аня Морозова спасла сколько-то там, десять, двенадцать жидов. Мы не их должны спасать. Только русских людей!

- А вообще была эта тема актуальной - какое-то особенное отношение к другим национальностям? Еврей? Туркмен? Англичанин?

- В основном деревенский люд ненавидел бедных этих, самых несчастных. Это, конечно, было... А потом, после войны, мне в ЦК сказали: спасает евреев, зачем? Только русских. И я говорю - как это? Я говорю, что, с ума сошли? В нашей англо-американской школе перед войной было очень много евреев, между прочим. Это тоже, наверное, бесило Сталина. Он всех уничтожал. Да. И сказал: нет, я не хочу вычеркивать.

- Отдельная тема - женщины на войне. Ведь бывало, наверное, что женщины просто по заданию должны были спать с немцами?

- Было такое.

- Их звали "немецкие овчарки"? Расскажите про это.

- Про немецких овчарок?

- Нет, про этих женщин. Они же несчастные женщины?

- Конечно, несчастные. И наши люди шли на это, чтобы ускорить нашу победу. И, конечно, это было противно. Но это было. Все было. Я помню, например, эпизод. Такой мальчик лет двенадцати и старушка, уж я не знаю, сколько ей. Так их тоже забрасывали. Они были тоже из КГБ. И казалось, что это очень хорошее дело. А ей же, старушке, прыгать! Боже мой! Конечно, мне было неприятно смотреть. Они должны были примечать, где мины. Но старушка с ребенком - до чего мы докатились!

Беседовал Александр АФАНАСЬЕВ.

(Окончание в следующем номере для субботнего чтения)